Автор: admin
29.12.2009 02:49 -

Разрушение ада и восстановление его

Это было в то время, когда Христос открывал людям своё учение.

Учение это было так ясно, и следование ему было так легко и так очевидно избавляло людей от зла, что нельзя было не принять его, и ничто не могло удержать его распространения по всему свету.

И Вельзевул, отец и повелитель всех дьяволов, был встревожен. Он ясно видел, что власть его над людьми кончится навсегда, если только Христос не отречётся от своей проповеди.

Он был встревожен, но не унывал и подстрекал покорных ему фарисеев и книжников как можно сильнее оскорблять и мучить Христа, а ученикам Христа советовал бежать и оставить его одного.

Он надеялся, что приговор к позорной казни, поругание, оставление его всеми учениками и, наконец, самые страдания и казнь сделают то, что Христос отречётся от своего учения. А отречение уничтожит и всю силу учения.

Дело решалось на кресте. И когда Христос возгласил: "Боже мой, боже мой, для чего ты меня оставил?", — Вельзевул возликовал. Он схватил приготовленные для Христа оковы и, надев их себе на ноги, прилаживал их так, чтобы они не могли быть расторгнуты, когда будут одеты на Христа.

Но вдруг с креста раздались слова: "Отче, прости им, ибо не знают, что делают", и вслед за тем Христос возгласил: "Свершилось!" — и испустил дух.

Вельзевул понял, что всё для него пропало. Он хотел снять со своих ног оковы и бежать, но не смог сдвинуться с места. Оковы скипелись на нём и держали его ноги. Он хотел подняться на крыльях, но не мог расправить их.

И Вельзевул видел, как Христос в светлом сиянии остановился во вратах ада, видел, как грешники от Адама до Иуды вышли из ада, видел, как разбежались все дьяволы, видел, как самые стены ада беззвучно распались на все четыре стороны.

Он не мог более переносить этого и, пронзительно завизжав, провалился сквозь треснувший пол ада в преисподнюю.

II

Прошло 100 лет, 200, 300 лет. Вельзевул не считал времени. Он лежал неподвижно в чёрном мраке и мёртвой тишине, и старался не думать о том, что было, и всё-таки думал и бессильно ненавидел виновника своей погибели.

Но вдруг, — он не помнил и не знал, сколько лет прошло с тех пор, — он услышал над собой звуки, похожие на топот ног, стоны, крики, скрежет зубовный.

Вельзевул приподнял голову и стал прислушиваться.

В то, чтобы ад мог восстановиться после победы Христа, Вельзевул не мог верить, а между тем, топот, стоны, крики и скрежет зубов становились всё яснее и яснее.

Вельзевул поднял туловище, подобрал под себя мохнатые, с отросшими когтями ноги (оковы, к удивлению его, сами собой соскочили с них) и, затрепав свободно раскрывшимися крыльями, засвистал тем призывным свистом, которым он в прежние времена призывал к себе своих слуг и помощников.

Не успел он перевести дыхание, как над головой его разверзлось отверстие, блеснул красный огонь, и толпа дьяволов, давя друг друга, высыпалась из отверстия в преисподнюю и, как вороны вокруг падали, расселись кругом Вельзевула.

Дьяволы были большие и маленькие, и толстые и худые, и с длинными короткими хвостами, и с острыми, прямыми и кривыми рогами.

Один из дьяволов, в накинутой на плече пелеринке, весь голый и глянцевито-черный, с круглым безбородым, безусым лицом и огромным отвисшим животом, сидел на корточках перед самым лицом Вельзевула и, то закатывая, то опять выкатывая свои огненные глаза, не переставая улыбаться, равномерно из стороны в сторону помахивал длинным, тонким хвостом.

III

— Что значит этот шум? — сказал Вельзевул, указывая наверх. — Что там?

— Всё то же, что было всегда, — отвечал глянцевитый дьявол в пелеринке.

— Да разве есть грешники? — спросил Вельзевул.

— Много, — отвечал глянцевитый.

— А как же учение того, кого я не хочу называть? — спросил Вельзевул.

— Дьявол в пелеринке оскалился, так что открылись его острые зубы, и между всеми дьяволами послышался сдерживающийся хохот.

— Учение это не мешает нам. Они не верят в него, — сказал дьявол в пелеринке.

— Да ведь, учение это явно спасает их от нас, и он засвидетельствовал его своею смертью, — сказал Вельзевул.

— Я переделал его, — сказал дьявол в пелеринке, быстро трепля хвостом по полу.

— Как переделал?

— Так переделал, что люди верят не в его учение, а в моё, которое они называют его именем.

— Как ты сделал это? — спросил Вельзевул.

— Сделалось это само собой. Я только помогал.

— Расскажи коротко, — сказал Вельзевул.

Дьявол в пелеринке, опустив голову, помолчал, как бы соображая, не торопясь, а потом начал рассказывать:

— Когда случилось то страшное дело, что ад был разрушен и отец и повелитель наш удалился от нас, — сказал он, — я пошёл в те места, где проповедовалось то самое учение, которое чуть не погубило нас.

Мне хотелось увидать, как живут люди, исполняющие его. И я увидал, что люди, живущие по этому учению, были совершенно счастливы и недоступны нам.

Они не сердились друг на друга, не предавались женской прелести и или не женились, или, женившись, имели одну жену, не имели имущества, всё считали общим достоянием, не защищались силою от нападавших и платили добром за зло.

И жизнь их была так хороша, что другие люди всё более и более привлекались к ним. Увидав это, я подумал, что всё пропало, и хотел уже уходить. Но тут, случилось обстоятельство, само по себе ничтожное, но оно мне показалось заслуживающим внимания, и я остался.

Случилось то, что между этими людьми одни считали, что надо всем обрезываться и не надо есть идоложертвенное, а другие считали, что этого не нужно и что можно не обрезываться и есть всё.

И я стал внушать и тем и другим, что разногласие это очень важно и что ни той, ни другой стороне никак не надо уступать, так как дело касается служения богу. И они поверили мне, и споры ожесточились.

И те, и другие стали сердиться друг на друга, и тогда я стал внушать и тем, и другим,

что они могут доказать истинность своего Учения чудесами.

Как ни очевидно было, что чудеса не могут доказать истинности учения, им так хотелось быть правыми, что они поверили мне, и я устроил им чудеса.

Устроить это было не трудно. Они всему верили, что подтверждало их желание быть одними в истине.

Одни говорили, что на них сошли огненные языки, другие говорили, что они видели самого умершего учителя и многое другое.

Они выдумывали то, чего никогда не было, и лгали во имя того, кто назвал нас лжецами, не хуже нас, сами не замечая этого.

Одни говорили про других: ваши чудеса не настоящие — наши настоящие, а те говорили про этих: нет, ваши не настоящие, наши настоящие.

Дело шло хорошо, но я боялся, как бы они не увидели слишком очевидного обмана, и тогда я выдумал церковь. И когда они поверили в церковь, я успокоился: я понял, что мы спасены и ад восстановлен.

IV

— Что такое церковь? — строго спросил Вельзевул, не хотевший верить тому, чтобы слуги его были умнее его.

— А церковь — это то, что когда люди лгут и чувствуют, что им не верят, они всегда, ссылаясь на бога, говорят: "ей-богу правда то, что я говорю".

Это, собственно, и есть церковь, но только с тою особенностью, что люди, признавшие себя церковью, уверяются, что они уже не могут заблуждаться, и потому, какую бы они глупость ни сказали, уже не могут от неё отречься.

Делается же церковь так: люди уверяют себя и других, что учитель их, бог, во избежание того, чтобы открытый им людям закон не был ложно перетолкован, избрал особенных людей, которые одни они или те, кому они передадут эту власть, могут правильно толковать его учение.

Так что, люди, считающие себя церковью, считают, что они в истине не потому, что то, что они проповедуют, есть истина, а потому, что они считают себя едиными законными преемниками учеников учеников учеников и, наконец учеников самого учителя бога.

Хотя, в этом приёме было то же неудобство, как и в чудесах, а именно то, что люди могли утверждать каждый про себя, что они члены единой истинной церкви (что всегда и бывало), но выгода этого приёма та, что, как скоро люди сказали про себя, что они — церковь, и на этом утверждении построили своё учение, то они уже не могут отречься

от того, что они сказали, как бы нелепо ни было сказанное и чтобы не говорили другие люди.

— Но отчего же церкви перетолковали учение в нашу пользу? — сказал Вельзевул.

— А сделали это они потому, — продолжил дьявол в пелеринке, — что, признав себя едиными толкователями закона бога и убедив в этом других, люди эти сделались высшими вершителями судеб людей и потому получили высшую власть над ними.

Получив же эту власть, они, естественно, возгордились и большей частью развратились и тем вызвали против себя негодование и вражду людей.

Для борьбы же с своими врагами они, не имея другого орудия, кроме насилия, стали гнать, казнить, жечь всех тех, кто не признавал их власти.

Так что они, самым своим положением, были поставлены в необходимость перетолковывать учение в таком смысле, чтобы оно оправдывало и их дурную жизнь, и те жестокости, которые они употребляли против своих врагов. Они так и сделали.

V

— Но ведь, учение было так просто и ясно — сказал Вельзевул, всё ещё не желая верить тому, что слуги его сделали то, чего он не догадался сделать, — что нельзя было перетолковать его. "Поступай с другим, как хочешь, чтобы поступали с тобой". Как же перетолковать это?

— А на это они, по моему совету, употребляли самые различные способы, — сказал дьявол в пелеринке.

— У людей есть сказка о том, как добрый волшебник, спасая человека от злого, превращает его в зёрнышко пшена и как злой волшебник, превратившись в петуха, готов уже было склевать это зёрнышко, но добрый волшебник высыпал на зёрнышко меру зерен.

И злой волшебник не мог съесть всех зерен и не мог найти то, какое ему было нужно. То же сделали и они, по моему совету, с учением того, кто учил, что весь закон в том, чтобы делать другому то, что хочешь, чтобы делали тебе.

Они признали священным изложением закона бога 49 книг и в этих книгах признали всякое слово произведением бога — святого духа.

Они высыпали на простую, понятную истину такую кучу мнимых священных истин, что стало невозможно ни принять их все, ни найти в них ту, которая одна нужна людям. Это их первый способ.

Второй способ, который они употребляли с успехом более тысячи лет, состоит в том, что

они просто убивают, сжигают всех тех, кто хочет открыть истину.

Теперь этот способ уже выходит из употребления, но они не бросают его и, хотя не сжигают уже людей, пытающихся открыть истину, но клевещут на них, так отравляют им жизнь, что только очень редкие решаются обличать их. Это второй способ.

Третий же способ в том, что, признавая себя церковью, следовательно, непогрешимыми, они прямо учат, когда им это нужно, противоположному тому, что сказано в писании, предоставляя своим ученикам самим, как они хотят и умеют выпутываться из этих противоречий.

Так, например, сказано в писании: "один учитель у вас Христос, и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас отец, который на небесах, и не называйтесь наставником, ибо один у вас наставник — Христос", а они говорят: "мы одни отцы и мы одни наставники людей".

Или сказано: "если хочешь молиться, то молись один в тайне, и бог услышит тебя", а они учат, что надо молиться в храмах всем вместе, под песни и музыку.

Или сказано в писании: "не клянитесь никак", а они учат, что всем надо клясться в беспрекословном повиновении властям, чего бы ни требовали эти власти.

Или сказано: "не убий", а они учат, что можно и должно убивать на войне и по суду.

Или ещё сказано: "учение моё дух и жизнь, питайтесь им, как хлебом". А они учат тому, что если положить кусочки хлеба в вино и сказать над этими кусочками известные слова, то хлеб делается телом, а вино — кровью, и что есть этот хлеб и пить это вино очень полезно для спасения души.

Люди верят в это и усердно едят эту похлёбку и потом, попадая к нам, очень удивляются, что похлёбка эта не помогла им, — закончил дьявол в пелеринке, закатил глаза и осклабился до самых ушей.

— Это очень хорошо, — сказал Вельзевул и улыбнулся. И все дьяволы разразились громким хохотом.

VI

— Неужели у вас по-старому блудники, грабители, убийцы? — уже весело спросил Вельзевул.

Дьяволы, тоже развеселившись, заговорили все вдруг, желая высказаться перед Вельзевулом.

— Не по-старому, а больше, чем прежде, — кричал один.

— Блудники не помещаются в прежних отделениях, — визжал другой.

— Губители теперешние злее прежних, — выкрикивал третий.

— Не наготовимся топлива для убийц, — ревел четвертый.

— Не говорите все вдруг. А пусть отвечает тот, кого я буду спрашивать. Кто заведует блудом, выходи и расскажи, как ты делаешь это теперь с учениками того, кто запретил переменять жён и сказал, что не должно глядеть на женщин с похотью. Кто заведует блудом?

— Я, — отвечал, подползая на заду ближе к Вельзевулу, бурый женоподобный дьявол с обрюзгшим лицом и слюнявым, не переставая жующим ртом.

Дьявол этот выполз вперёд из ряда других, сел на корточки, склонил набок голову и, просунув между ног хвост с кисточкой, начал, помахивая им, певучим голосом говорить так:

— Делаем мы это по старому приёму, употреблённому тобой, нашим отцом и повелителем, ещё в раю и предавшему в нашу власть весь род человеческий, и по новому церковному способу.

По новому церковному способу мы делаем так: мы уверяем людей, что настоящий брак состоит не в том, в чём он действительно состоит, в соединении мужчины с женщиной, а в том, чтобы нарядиться в самые лучшие платья, пойти в большое устроенное для этого здание и там, надевши на головы особенные, приготовленные для этого шапки, под звуки разных песен обойти три раза вокруг столика.

Мы внушаем людям, что только это есть настоящий брак. И люди, уверившись в этом, считают, что всякое вне этих условий соединение мужчины с женщиной есть простое, ни к чему не обязывающее удовольствие или удовлетворение гигиенической потребности, и потому не стесняясь, предаются этому удовольствию.

Женоподобный дьявол склонил обрюзгшую голову на другую сторону и помолчал, как бы ожидая действия своих слов на Вельзевула.

Вельзевул кивнул головой в знак одобрения, и женоподобный дьявол продожал так:

— Этим способом, не оставляя при этом прежнего, употреблённого в раю способа запрещённого плода и любопытства, — продолжал он, очевидно желая польстить Вельзевулу, — мы достигаем самых лучших успехов.

Воображая себе, что они могут устроить себе честный церковный брак и после соединения со многими женщинами, люди переменяют сотни жён и так при этом привыкают к распутству, что делают то же и после церковного брака.

Если же им покажутся почему-либо стеснительными некоторые требования, связанные с этим церковным браком, то они устраивают так, что совершается второе хождение вокруг столика, первое же считается недействительным.

Женоподобный дьявол замолчал и, утерев кончиком хвоста слюни, наполнявшие ему рот, склонил на другой бок голову и молча уставился на Вельзевула.

VII

— Просто и хорошо, — сказал Вельзевул. — Одобряю. Кто заведует грабителями?

— Я, — отвечал, выступая, крупный дьявол с большими кривыми рогами, с усами, загнутыми кверху, и огромными, криво приставленными лапами.

Дьявол этот, выползши, как и прежде, вперёд и по-военному обеими лапами оправляя усы, дожидался вопроса.

— Тот, кто разрушил ад, — сказал Вельзевул, — учил людей жить, как птицы небесные, и повелевал давать просящему и хотящему взять рубашку отдавать кафтан, и сказал, что для того, чтобы спастись, надо раздать именье.

Как же вы вовлекаете в грабёж людей, которые слышали это ?

— А мы делаем это, — сказал дьявол с усами, величественно откидывая назад голову, — точно так же, как это делал наш отец и повелитель при избрании Саула на царство.

Точно так же, как это было внушено тогда, мы внушаем людям, что, вместо того, чтобы им перестать грабить друг друга, им выгоднее позволить грабить себя одному человеку, предоставив ему власть надо всеми.

Нового в нашем способе только то, что для утверждения права грабежа этого одного человека мы ведём этого человека в храм, надеваем на него особенную шапку, сажаем на высокое кресло, даём ему в руки палочку и шарик, мажем постным маслом и во имя бога и его сына провозглашаем особу этого помазанного маслом человека священною.

Так что, грабёж, производимый этой особой, считающейся священной, уже ничем не может быть ограничен. И священные особы, и их помощники, и помощники помощников — все, не переставая, спокойно и безопасно грабят народ.

При этом, устанавливают обыкновенно такие законы и порядки, при которых, даже без помазания, праздное меньшинство всегда может безнаказанно грабить трудящееся большинство.

Так что в последнее время, в некоторых государствах, грабёж продолжается и без помазанников так же, как и там, где они есть.

Как видит наш отец и повелитель, в сущности, способ, употребляемый нами, есть старый способ. Ново в нём только то, что мы сделали этот способ более общим, более скрытым, более распространённым по пространству и времени и более прочным.

Более общим мы сделали этот способ тем, что люди прежде подчинялись по своей воле тому, кого избирали, мы же сделали так, что они теперь, независимо от своего желания, подчиняются не тем, кого избирают, а кому попало.

Более скрытым мы сделали этот способ тем, что теперь уже ограбливаемые, благодаря устройству податей особенных, косвенных, не видят своих грабителей.

Более распространён же по пространству этот способ тем, что так называемые христианские народы, не довольствуясь грабежом своих, грабят, под разными самыми странными предлогами, преимущественно под предлогом распространения христианства, и все те чуждые им народы, у которых есть что ограбить.

По времени же новый способ этот более распространён, чем прежде, благодаря устройству займов, общественных и государственных: ограбляются теперь не одни живущие, а и будущие поколения.

Способ же этот более прочным мы сделали тем, что главные грабители считаются теперь особами священными, и люди не решаются противодействовать им. Стоит только главному грабителю успеть помазаться маслом, и уже он может спокойно грабить того, кого и сколько он хочет.

Так, одно время в России я, ради опыта, сажал на царство одну за другою самых гнусных баб, глупых, безграмотных и распутных и не имеющих, по их же законам, никаких прав.

Последнюю, же, не только распутницу, но преступницу, убившую мужа и законного наследника.

И люди, только потому, что она была помазана, не вырвали ей ноздри и не секли кнутом, как они делали это со всеми мужеубийцами, но в продолжении 30 лет рабски покорялись ей, предоставляя ей и её бесчисленным любовникам грабить не только их имущество, но и свободу людей.

Так что в наше время грабежи явные, т. е., отнятие силою кошелька, лошади, одежды, составляют едва ли одну миллионную часть всех тех грабежей законных, которые совершаются постоянно людьми, имеющими возможность это делать.

В наше время грабежи безнаказанные, скрытые и вообще готовность к грабежу установилась между людьми такая, что главная цель жизни почти всех людей есть грабёж, умеряемый только борьбою грабителей между собою.

VIII

— Что ж, это хорошо, — сказал Вельзевул. — Но убийства? Кто заведует убийством?

— Я, — отвечал, выступая из толпы, красного, кровяного цвета дьявол с торчащими изо рта клыками, острыми рогами и поднятым кверху толстым, неподвижным хвостом.

— Как же ты заставляешь быть убийцами учеников того, кто сказал: "не воздавай злом за зло, люби врагов"? Как же ты делаешь убийц из этих людей?

— Делаем это мы и по старому способу, — отвечал красный дьявол оглушающим, трещащим голосом, — возбуждая в людях корысть, задор, ненависть, месть, гордость.

И также, по старому способу, внушаем учителям людей, что лучшее средство отучить людей от убийства состоит в том, чтобы самим учителям публично убивать тех, которые убили.

Этот способ не столько даёт нам убийц, сколько приготовляет их для нас. Большее же количество давало и даёт нам новое учение о непогрешимости церкви, о христианском браке и о христианском равенстве.

Учение о непогрешимости церкви давало нам, в прежнее время, самое большое количество убийц. Люди, признавшие себя членами непогрешимой церкви, считали, что позволить ложным толкователям учения развращать людей есть преступление, и что поэтому убийство таких людей есть угодное богу дело.

И они убивали целые населения и казнили, жгли сотни тысяч людей. При этом, смешно то, что те, которые казнили и жгли людей, начинавших понимать истинное учение, считали этих самых опасных для вас людей вашими слугами, т. е., слугами дьяволов.

Сами же казнившие и жёгшие на кострах, действительно бывшие нашими покорными слугами, считали себя святыми исполнителями воли бога. Так это было в старину.

В наше же время, очень большое количество убийц даёт нам учение о христианском браке и о равенстве.

Учение о браке даёт нам, во-первых, убийства супругов друг другом и матерями детей. Мужья и жёны убивают друг друга, когда им кажутся стеснительными некоторые требования закона и обычая церковного брака.

Матери же убивают детей большей частью тогда, когда соединения, от которых произошли дети, не признаются браком. Такие убийства совершаются постоянно и равномерно.

Убийства же, вызванные христианским учением о равенстве, совершаются периодически, но зато когда совершаются, то совершаются в очень большом количестве.

По учению этому людям внушается, что они все равны перед законом. Люди же ограбленные чувствуют, что это неправда.

Они видят, что равенство это перед законом состоит только в том, что грабителям удобно продолжать грабить, им же это неудобно делать, и они возмущаются и нападают на своих грабителей. И тогда начинаются взаимные убийства, которые дают нам сразу иногда десятки тысяч убийц.

IX

— Но убийства на войне? Как вы приводите к ним учеников того, кто признал всех людей сынами одного отца и велел любить врагов ?

Красный дьявол оскалился, выпустив изо рта струю огня и дыма, и радостно ударил себя по спине толстым хвостом.

— Делаем мы так: мы внушаем каждому народу, что он, этот народ, есть самый лучший из всех на свете.

Deutschland Uber alles ("Германия — превыше всего"), Франция, Англия, Россия Uber alles, и что этому народу (имярек) надо властвовать над всеми другими народами.

А так как всем народам мы внушали то же самое, то они, постоянно чувствуя себя в опасности от своих соседей, всегда готовятся к защите и озлобляются друг на друга.

А чем больше готовится к защите одна сторона и озлобляется за это на своих соседей, тем больше готовятся к защите все остальные и озлобляются друг на друга.

Так что, теперь все люди, принявшие учение того, кто назвал нас убийцами, все постоянно и преимущественно заняты приготовлениями к убийству и самыми убийствами.

X

— Что ж, это остроумно, — сказал Вельзевул после недолгого молчания. — Но как же свободные от обмана учёные люди не увидали того, что церковь извратила учение, и не восстановили его?

— А они не могут этого сделать, — самоуверенным голосом сказал, выползая вперёд, матово-чёрный дьявол в мантии, с плоским покатым лбом, безмускульными членами и оттопыренными большими ушами.

— Почему? — строго спросил Вельзевул, недовольный самоуверенным тоном дьявола в мантии.

Не смущаясь окриком Вельзевула, дьявол в мантии не торопясь, спокойно уселся не на корточки, как другие, а по-восточному, скрестив безмускульные ноги, и начал говорить без запинки тихим, размеренным голосом:

— Не могут они делать этого, оттого что я постоянно отвлекаю их внимание от того, что они могут и что им нужно знать, и направляю его на то, что им не нужно знать и чего они никогда не узнают.

— Как же ты сделал это?

— Делал и делаю я различно по времени, — отвечал дьявол в мантии. — В старину я внушал людям, что самое важное для них — это знать подробности об отношении между собою лиц троицы, о происхождении Христа, об естествах его, о свойстве бога и т. п.

И они много и длинно рассуждали, доказывали, спорили и сердились. И эти рассуждения так занимали их, что они вовсе не думали о том, как им жить. А не думая о том, как им жить, им не нужно было знать того, что говорил им их учитель о жизни.

Потом, когда они уже так запутались в рассуждениях, что сами перестали понимать то, о чём говорили, я внушал одним, что самое важное для них — это изучить и разъяснить всё то, что написал человек по имени Аристотель, живший тысячи лет тому назад в Греции; другим внушал, что самое важное для них — это найти такой камень, посредством которого можно было бы делать золото, и такой эликсир, который излечивал бы от всех болезней и делал людей бессмертными.

И самые умные и учёные из них, все свои умственные силы направили на это.

Тем же, которые не интересовались этим, я внушал, что самое важное это знать: Земля ли вертится вокруг Солнца или Солнце вокруг Земли?

И когда они узнали, что Земля вертится, а не Солнце, и определили, сколько миллионов вёрст от Солнца до Земли, то были очень рады, и с тех пор ещё усерднее изучают до сих пор расстояния от звёзд, хотя они знают, что конца этим расстояниям нет и не может быть, и что самое число звёзд бесконечно, и знать им это совсем не нужно.

Кроме того, я внушил им ещё и то, что им очень нужно и важно знать, как произошли все звери, все червяки, все растения, все бесконечно малые животные.

И хотя им это точно так же совсем не нужно знать, и совершенно ясно, что узнать невозможно, потому что животных так же бесконечно много, как и звёзд, они на эти и подобные этим исследования явлений материального мира направляют все свои умственные силы и очень удивляются тому, что, чем больше они узнают того, что им не нужно знать, тем больше остаётся не узнанного ими.

И, хотя очевидно, что, по мере их исследований, область того, что им удалось узнать становится всё шире и шире, предметы исследования всё сложнее и сложнее и самые

приобретаемые ими знания всё неприложимее и неприложимее к жизни, это нисколько не смущает их, и они, вполне уверенные в важности своих занятий, продолжают исследовать, проповедовать, писать и печатать, и переводить с одного языка на другой все свои, большей частью ни на что не пригодные исследования, а если изредка и пригодные, то на потеху меньшинству богатых или на ухудшение положения большинства бедных.

Для того же, чтобы они никогда уже не догадались, что единое нужное для них — это установление законов жизни, которое указано в учении Христа, я внушаю им, что законов духовной жизни они знать не могут и что всякое религиозное учение, в том числе и учение Христа, есть заблуждение и суеверие, и что узнать о том, как им надо жить, они могут из придуманной мною для них науки, называемой социологией, состоящей в изучении того, как различно дурно жили прежние люди.

Так что, вместо того, чтобы им самим, по учению Христа постараться жить лучше, они думают, что им надо будет только изучить жизнь прежних людей, и что они из этого изучения выведут общие законы жизни, и для того, чтобы жить хорошо, им надо будет только сообразоваться в своей жизни с этими выдуманными ими законами.

Для того же, чтобы ещё больше укрепить их в обмане, я внушаю им нечто подобное учению церкви, а именно то, что существует некоторая преемственность знаний, которая называется наукой, и что утверждения этой науки так же непогрешимы, как и утверждения церкви.

А как только те, которые считаются деятелями науки, уверяются в своей непогрешимости, так они, естественно, провозглашают за несомненные истины самые не только ненужные, но и часто нелепые глупости, от которых они, раз сказавши их, уже не могут отречься.

Вот от этого-то я и говорю, что до тех пор, пока я буду внушать им уважение, подобострастие к той науке, которую я выдумал для них, они никогда не поймут того учения, которое чуть было не погубило нас.

XI

— Очень хорошо. Благодарю, — сказал Вельзевул, и лицо его просияло. — Вы стоите награды, и я достойно награжу вас.

— А нас вы забыли, — закричали в несколько голосов остальные разношерстные, маленькие, большие, кривоногие, толстые, худые дьяволы.

— Вы что делаете? — спросил Вельзевул.

— Я — дьявол технических усовершенствований.

— Я — разделения труда.

— Я — путей сообщения.

— Я — книгопечатания.

— Я — искусства.

— Я — медицины.

— Я — культуры.

— Я — воспитания.

— Я — исправления людей.

— Я — одурманивания.

— Я — благотворительности.

— Я — социализма.

— Я — феминизма, — закричали они все вдруг, теснясь вперёд перед лицом Вельзевула.

— Говорите порознь и коротко, — закричал Вельзевул. — Ты, — обратился он к дьяволу технических усовершенствований. — Что ты делаешь ?

— Я внушаю людям, что чем больше они сделают вещей и чем скорее они будут делать их, тем это для них будет лучше.

И люди, губя свои жизни для произведения вещей, делают их всё больше и больше, несмотря на то, что вещи эти не нужны тем, которые заставляют их делать, и недоступны тем, которые их делают.

— Хорошо. Ну а ты? — обратился Вельзевул к дьяволу разделения труда.

— Я внушаю людям, что, так как делать вещи можно скорее машинами, чем людьми, то надо людей превратить в машины, и они делают это, и люди, превращённые в машины, ненавидят тех, которые сделали это над ними.

— И это хорошо. Ты? — обратился Вельзевул к дьяволу путей сообщения.

— Я внушаю людям, что для их блага им нужно как можно скорее переезжать с места на место. И люди, вместо того, чтобы улучшать свою жизнь каждому на своих местах, проводят большую часть её в переездах с места на место и очень гордятся тем, что они в час могут проехать 50 вёрст и больше.

Вельзевул похвалил и этого. Выступил дьявол книгопечатания. Его дело, как он объяснил, состоит в том, чтобы как можно большему числу людей сообщить все те гадости, которые делаются и пишутся на свете.

Дьявол искусства объяснил, что он, под видом утешения и возбуждения возвышенных чувств в людях, потворствует их порокам, изображая их в привлекательном виде.

Дьявол медицины объяснил, что их дело состоит в том, чтобы внушать людям, что самое важное для них дело — это забота о своём теле.

А, так как забота о своём теле не имеет конца, то люди, заботящиеся с помощью медицины о своём теле, не только забывают о жизни других людей, но и о своей собственной.

Дьявол культуры объяснил, что внушает людям то, что пользование всеми теми делами, которыми заведуют дьяволы технических усовершенствований, разделения труда, путей сообщения, книгопечатания, искусства, медицины, есть нечто, вроде добродетели и что человек, пользующийся всем этим, может быть вполне доволен собой и не стараться быть лучше.

Дьявол воспитания объяснил, что он внушает людям, что они могут, живя дурно и даже не зная того, в чём состоит хорошая жизнь, учить детей хорошей жизни.

Дьявол исправления объяснил, что он учит людей тому, что, будучи сами порочны, они могут исправлять порочных людей.

Дьявол одурманивания сказал, что он научает людей тому, что, вместо того, чтобы избавиться от страданий, производимых дурною жизнью, стараясь жить лучше, им лучше забыться под влиянием одурения вином, табаком, опиумом, морфином.

Дьявол благотворительности сказал, что он, внушая людям то, что, грабя пудами и давая ограбленным золотниками, они добродетельны и не нуждаются в усовершенствовании, — он делает их недоступными к добру.

Дьявол социализма хвастался тем, что во имя самого высокого общественного устройства жизни людей он возбуждает вражду между сословиями.

Дьявол феминизма хвастался тем, что для ещё более усовершенствованного устройства жизни он, кроме вражды сословий, возбуждает ещё и вражду между полами.

— Я — комфорт, я — моды! — кричали и пищали ещё другие дьяволы, подползая к Вельзевулу.

— Неужели вы думаете, что я так стар и глуп, что не понимаю того, что, как скоро учение о жизни ложно, то всё, что могло быть вредно нам, всё становится нам полезным, — закричал Вельзевул и громко расхохотался. — Довольно. Благодарю всех, — и,

всплеснув крыльями, он вскочил на ноги.

Дьяволы окружили Вельзевула. На одном конце сцепившихся дьяволов был дьявол в пелеринке — изобретатель церкви, на другом конце — дьявол в мантии, изобретатель науки. Дьяволы эти подали друг другу лапы, и круг замкнулся.

И все дьяволы, хохоча, визжа, свистя и порхая, начали, махая и трепля хвостами, кружить и плясать вокруг Вельзевула.

Вельзевул же, расправив крылья и трепля ими, плясал в середине, высоко задирая ноги. Вверху же слышались крики, плач, стоны скрежет зубов.